

Белый, рыжий клоун

Мы только делаем вид, что водим в цирк детей. Со-знаемся: мы ходим туда сами.

...Клоун Анатолий Марчевский тоже хочет играть в футбол — не хуже, чем только что это делали дрессированные собачки. Рядом с воротами он зачем-то ставит вазочку с цветами. Разбегается. Забивает. Потом берет цветок в награду самому себе.

Еще удар. Промах. Униформист, движимый высоким чувством справедливости, отнимает цветок и возвращает его в вазу.

Ну, хорошо. Скрывшись на мгновение, Марчевский возвращается в громадном башмаке. Удар! Видимо, это — победный гол в финале кубка. Не меньше. И теперь вся ваза в руках Анатолия. Ее можно милостно подарить инспектору манежа, но букет — себе!

Мы сейчас не просто сме-емся. Нам почему-то легче. Еще две минуты назад мы восхищались собачками, но и грустно знали, что не умеем их так дрессировать. Вот тут-то — или после прыгунов, канатоходцев, силачей, словом, «сверхлюдей» всех видов, словно почувствовав нашу небольшо-шую скрытую горечь, и появился поверенный, которого условно можно назвать «чело-веком без ферзя».

Откуда термин? Рассказыва-ют: к случайному попутнику пристал заядлый шахматист. Уговоры шли тяжело, и «заяд-лый» предложил ферзя в фору. Выиграл. Совсем презирил партнера.

Но тот вдруг заявил:

— Без ферзя же легче! Его же защищать надо! Без ферзя и я выиграю.

И — выиграл. Вежливо по-прощался и ушел, подорвав основы шахматного мировоз-зрения партнера, так и не узнавшего, что «человеком без ферзя» был прославленный шахматист.

А все-таки жаль, что нас там

не было! Как бы мы посмея-лись над посрамленной над-менностью! А в цирке сидим именно мы. Все здесь для нас: сила, ловкость — и, кроме того, сказочная уверенность.

Поэтому Марчевский должен быть очень неумелым. Гораздо больше, чем мы с вами. Та-ким явным аутсайдером, что все время хочется его на-учить, помочь ему. Тем более, что он к нам и обращается.

Его же гонят с манежа. Он все время мешает людям серьезным делать их серьезное дело. У него нет союзников, кроме нас с вами: «наш чело-век на арене».

Выходит с веревочкой. Пры-гает. Чоб не мешал, веревоч-ку отняли. Не растерявшись, до-стал другую. Отняли и эту. А прыгать хочется. Достал целый моток, отрезал, прыгает. Отня-ли. Растерялся — но только на ту секунду, пока мы успели ему посочувствовать. Чего там! Есть же еще рубашка. Снял, прыгает. Увы — отняли и это. Постоял, кажется, вздох-нул и стал прыгать про-сто так. Без веревочки. Мо-жно ли яснее сказать: «Не унывай!»?

Конечно, мы, взрослые, по-нимаем: он умеет все, но, кроме того, умеет не уметь. На одной катушке «балансирует» так, что смотреть стыдно. Вот на пяти, взгроможденных одна на другую, уже легче.

Если он играет на скрипке, то эта скрипка — венник. С ор-кестром он никак не совпада-ет. Что из того? Оказывается, на оркестр можно только ду-нуть — и задуть.

Скупость выражения — ни-чуть не находка XX века. Древнейшая клоунада испы-тывала ее тысячелетиями.

У вас небольшой голос, вы поете с микрофоном. Но для чего вы вообще поете? Чтобы передать чувства? А вдруг и слуха нет? Вас назовут бездар-ным, но чувства-то у вас все равно есть. А что если под-

нести микрофон прямо к серд-цу. И весь зал услышит: «тук-тук, тук-тук...»

Ага! Значит, можно прове-рить так и чувства другого? И от красивой девушки в первом ряду вдруг услышать преду-преждающее: «Сердце краса-вицы склонно к измене...» Не огорчайтесь. Где-то рядом в третьем ваше чувство нашло отклик.

Программа в целом — «Бал-лада о смелых» (сценарный план заслуженного деятеля ис-кусств РСФСР П. Аболимова, режиссер — заслуженный дея-тель искусств Г. Пернун) — де-монстративно современна. Рек-визит сестер Бироковых — космический корабль.

Клоуны часто выходили пар-ой: белый и рыжий. Один был тонким, но грустным, второй — веселым, но глупым. Рот-ман — белый, Маковский — ры-жий. Даже если клоун был один, можно было угадать его генезис — от Пьеро он или от Арлекина. Енгибаров, напри-мер, был белым, даже чуть голубоватым в своей грусти.

Наверное, Марчевский все-таки белый. Он тонок, изящен, часто неловок... Но у него всег-да в конце победа. И кто это в самом деле выдумал, что человек душевный должен проиграть? Всегда не обязатель-но! Он выиграет — даже без ферзя.

А мы уйдем из цирка не только потрясенные невероят-ными человеческими возмож-ностями, но и с доброй улыб-кой: просто у нас другая про-фессия. А если бы учиться с самого начала — возможностей у нас ничуть не меньше.

Юрия Павловича Бело-ва, «отца и учителя» многих на-ших коверных (скажем, всех, кого мы тут вспомнили), стра-стного искателя и творца кло-унады сегодняшней, современ-ной, можно поздравить со сто-личным успехом еще одного воспитанника — Анатолия Мар-чевского.

А. АРОНОВ,
Г. ЖАВОРОНКОВ.

18 МАЯ 1975

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
Г. МОСКВА